

Андрей ПОЛЯНИН

Н. Гумилев. Колчан.

Стихи. «Гиперборей». Петроград. 1916

«Муза Дальних Странствий» — десятая Муза — кстати сказать, крестница Гумилева, завела его под крышу «Чужого неба»¹, и нужен был поистине буревой ветер для того, чтобы вывести поэта на волю, под собственное свое небо. Такой благосклонной бурей для Гумилева явилась война —

В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы,
И побежал, куда бежали люди².

Правда, «огнезарный бой», «рокочущая труба побед», «гудящие грозно бомбы», шрапнели, которые «жужжат», «словно пчелы, собирая ярко-красный мед»³, оказались маловдохновительными для Гумилева как для стихотворца, и стихи, посвященные войне, значительно ниже других стихов сборника, среди которых есть превосходные (так, например: «Восьмистишие», «Об Адонисе с лунной красотой», «Падуанский собор», «Я не прожил, я протомился»); недаром, говоря о войне, недавний пленник «Чужого неба» называет ее «прекраснейшей» и добавляет: «которой кланяюсь я земно»⁴.

Для того, чтобы человек, сказавший о себе:

А я, как некими гигантами,
Торжественными фолиантами
От вольной жизни заперт в нишу,
Ее не вижу и не слышу⁵,

смог бы побежать «куда бежали люди», нужно случиться чуду преображения. В целом ряде стихов то размышляя, то попросту радуясь, Гумилев дивится этому чуду и пытается утвердить свершение его. Но очевидно, что творческий момент в данном случае одновременен с процессом этого чуда, что художник «кору сни-

мает за корой» с материала еще не подготовленного для творческой руки: поэт, так сказать, еще не пришел в себя, не успел собрать своей воли, поэтому слова обнажены, чувства не облечены образами и зачастую кажутся поэтически-бессильными, рассудочными и прозаическими. Особенно явственно это в тех стихах, в которых Гумилев пытается философски формулировать свое волнение. Весьма знаменательно в этом смысле наивное, до трогательности наивное, такое странное в устах Гумилева, такое искренне-лирическое «ах», вспорхнувшее в формулу:

Солнце духа, ах, беззакатно,
Не земле его побороть⁶.

Так же явственна та беспомощность в приеме усиления мысли путем повторения ее:

Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть⁷.

Но справился ли и справится ли человек, а следовательно и художник, со внезапным озарением своим. «Солнце духа», действительно, «благостно и грозно» уже встает над его жизнью. Поэт озирает пройденный путь и видит:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной⁸.

.....

Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять⁹.

Но то же солнце бросает луч и в грядущее, и там:

Есть на море пустынный монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнущею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!¹⁰

Если в поэзии Гумилева и мало «символа величия» — того «высокого косноязычия», которое «как всякий благостный завет» даруется поэту, несомненно все же, что в многих строфах «Колчана» Гумилев точно начинает «чувствовать к простым словам вниманье, милость и благоволенье», а всякое истинное чувство заразительно¹¹.

